

4. Самойлович А.Н. Указатель собственных имен к казах-киргизским преданиям, легендам, сказкам. Живая старина. 1916. Вып. 2. -с. 5-8.
5. Гордлевский В.А. К личной ономастике у османцев. // Избр. сочин. Т.4. М.: Наука, 1968. -131-136.
6. Дмитриев Н.К. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков (морфология). М.: Наука, 1956, ч.2. -с 246.
7. Бегматов Э. Антропонимика узбекского языка. Автореф. дисс.канд.филол.н. Ташкент, 1965; Он же. Узбек исмлари имлоси. Ташкент: Фан, 1970. -125 с.
8. Кенесбаев С. О лексических пластах ономастики казахского языка. // Советская тюркология. 1973, №1. -с.87-91.
9. Жубанов К. Исследования по казахскому языку. Алма-Ата: Наука, 1990. -с. 110.
10. Жанұзақов Т. Қазақ тіліндегі жалқы есімдер. Алматы: Ғылым, 1965. -138 б.; Он же. Обычай и традиции в казахской антропонимии. М.: Наука, 191. -с.230; Он же. Очерк казахской ономастики. Алма-Ата: Наука, 1982. -с.176.
11. Суперанская А.В. К вопросу о кодификации личных имен // Ономастика и грамматика М.: Наука, 1981. -с.80.
12. Керимбаев Е.А. Этнокультурные основы номинации и функционирования казахских собственных имен. Автореф. ... докт.филол.н. Алма-Ата, 1992.
13. Гурская Ю.А. Культурогенные возможности имени собственного: семантика, прагматика, концептуализация. // Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. X конгресс МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 2003. -с.29.
14. Вежищка А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. -с.284.
15. Абай (Ибраһим) Құнанбайұлы. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Алматы: Жазушы. -Т.1: Өлеңдер мен аудармалар. 2005. -б.89.
16. Алимжанова Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: сущность, принципы, методы, единицы. Дисс. ... доктора филол.наук. Алматы, 2010 г.

Мақалада антропонимдерді зерттеуде лингвомәдени негіздегі бағыттың қолданыс табатындығы сөз болады.

The article is dedicated to basis of linguistic – cultural approach to antroponyms research

М. К. Ақошева

К ВОПРОСУ О ДВОЙСТВЕННОСТИ ОБЪЕКТА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Отсутствие целостности у объекта лингвистической науки, его двойственность отмечали многие ученые. В этом убеждает нас следующее замечание исследователя В.А. Звегинцева: «Теперь, когда лингвистика накопила достаточный опыт изучения своего объекта, мы имеем все основания сказать, что самой существенной чертой этого объекта является его двойственность. Все языковеды, от В. Гумбольдта до Н. Хомского, ... неизменно отмечали двойственность объекта своего изучения.... Проводимые ими разграничения между еруов и evspyeia, схемой и узусом, кодом и сообщением, компетенцией и употреблением далеко не тождественны, но все они ... имеют в виду все ту же двойственность объекта лингвистики, выражая ее в различного рода дихотомических формулах» [1].

Исследователь добавляет, что каждый из языковедов обращает преимущественное внимание на один из аспектов или на некоторую одну совокупность аспектов, на основе которых проводится их разграничение. Значит, при определении двойственности объекта изучения лингвистики нужно «воспользоваться всем тем, что говорили и Гумбольдт, и Соссюр, и Хомский, и другие языковеды по поводу этой двойственности, и учесть все те принципы, на основе которых они проводили свои разграничения» [1].

Звегинцев В.З. прав и в том, что «при этом необходимо будет считаться с общенаучным контекстом, в котором проводилось это разграничение, с теми философскими системами, в терминах которых осуществлялось определение лингвистических кате

горий, и, наконец, с местом, которое занимает данное разграничение в конкретной лингвистической теории... .. Только такой совокупный подход, выходящий за узкие пределы лишь соссюровского разграничения, даст возможность подойти к адекватному пониманию тех явлений, тех фундаментальных для всей лингвистики дихотомических разграничений, которые удобства ради и совершенно условно можно продолжать именовать языком и речью» [1].

В последнее время принято язык и речь противопоставлять друг другу. В речи повторяется один и тот же набор единиц и правил, входящих в язык, но при этом в их состав не вносится ничего нового, хотя допускается множество их вариаций.

Также часты варианты определения различия между языком и речью, в основе которых лежит мысль о том, что речь – это язык в действии. В качестве примера таких определений языка и речи можно привести слова В. М. Солнцева: «Речевые произведения - это язык в действии, точно так же как сама речь - это язык в своем использовании, т. е. функционирование языка» [2].

Как считают лингвисты, эта точка зрения, по сути дела, навсегда запирает человека в границах языка и сводит деятельность общения и деятельность мышления людей к тавтологическому процессу использования тех конечных единиц (и правил их комбинирования), которыми располагает язык. Она совершенно не учитывает тех качественно новых явлений, которые характеризуют речь и которые, конечно, никак нельзя свести к «сверхязыковому

остатку», получаемому посредством механического вычитания из некоторой совокупности высказываний языка

Следует, однако, подчеркнуть, что все описанные подходы к разграничению между языком и речью исходят в конечном счете из того понимания их, которое дано в «Курсе» Ф. де Соссюра (хотя и находятся в явном противоречии с его утверждением о том, что «исторически речь предшествует языку»). Их следует признать недостаточными уже потому, что они не учитывают дихотомий, выдвигавшихся другими лингвистами для определения двойственности предмета лингвистики. Выше же указывалось, что все эти дихотомии надо в обязательном порядке привлекать, чтобы достигнуть возможно более полного понимания двойственности природы предмета изучения лингвистики» [1].

В.А. Звегинцев вполне обоснованно считает необходимым рассматриваемую проблему изучать на уровне предложения. Изучение предложения, на его взгляд, даст отличную возможность уяснить, что относится к языку и что к речи, и в каком отношении эти явления находятся друг с другом применительно не только к предложению, но и к другим лингвистическим единицам. Далее автор пишет: «Ставить же вопрос так широко – это значит обратиться к рассмотрению единиц различных лингвистических уровней, а стало быть, и самих лингвистических уровней» [3, 40]. Здесь нам бы хотелось добавить: данную проблему стоило бы изучать на уровне предложения и высказывания одновременно. Изучение предложения/ высказывания, мы считаем, помогло бы глубже понять, что на самом деле относится к языку, а что – к речи, в каком отношении эти явления находятся друг с другом применительно не только к предложению, но и к другим лингвистическим единицам, а также – не только к высказыванию, но и к компонентам речевой ситуации.

Разграничение языка и речи другим лингвистом Н.Д. Арутюновой представляется так: Язык потенциален, конечен, формален, стабилен, объективен, имеет уровневое устройство. Речь субстанциональна, конкретна, развертывается во времени и пространстве, бесконечна, активна, динамична, линейна, субъективна, вариативна, контекстно и ситуативно обусловлена [4]. Как видим, исследователь при определении языка также обращает внимание на уровневое устройство языка.

На наш взгляд, труднее определить понятие «речь», ибо в соотношении язык и речь всегда возникает третий член – речевая способность. Исследователи, поднимая вопрос о том, является ли речь реализацией языка как способности или реализацией языка как системы, часто соединяли одно с другим, иногда подменяли одно с другим. Поэтому важно было появление работ французского философа и филолога Э.Кондильяка, в которых все четыре свойства языка были подведены под понятие «языковая личность» [5,182].

Чтобы понять, о каких свойствах языка идет речь, сделаем небольшой экскурс в историю языкознания: на каждом этапе его развития при изучении языка выделялось одно из его свойств как основное.

Так, в XIX веке был важен исторический характер языка. Приведем для убедительности высказывание представителя младограмматизма Г.Пауля: «Как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытку уловить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории» [6,42].

Уже к концу XIX века проявляется интерес к изучению живых языков, одной из причин которого явилось нарастающее национальное самосознание, а данный интерес был своеобразным откликом ученых на этот яркий факт реальной действительности.

Соответственно, уже к началу XX века языкознание сделало шаг в сторону функционирующего языка, в сторону говорящего человека. Стал важен психологизм языка. В качестве примера можем процитировать А.А.Шахматова, который в трактовке синтаксических явлений исходит из психологических категорий: «Реальное бытие имеет язык каждого индивидуума; язык села, города, области, народа оказывается известной научною фикцией, ибо он слагается из фактов языка, входящих в состав тех или иных территориальных или племенных единиц индивидуумов; ... число этих индивидуумов представляется неопределенным, исчерпывающее изучение их языка невозможно» [7,5].

Примечательно, что Соссюр, начавший в конце XIX века как историк языка, все-таки отдал дань психологическому характеру языка. По этому поводу исследователь Ю.Н.Караулов писал: «...Будучи гениальным ученым, он перешагнул рамки существующей парадигмы и поверх тезиса о ... психологическом характере языка начертал на знамени лингвистики: «язык насквозь системен» и «язык насквозь социален» [8,14]. И так язык с 20-х годов XX века стал изучаться как система, как социальное явление.

Таким образом, историзм, психологизм, системность и структурность, социальность стали парадигмами, каждая из них отрицала предыдущую, но в будущем все они явились синтезом для новой научной парадигмы. Как раз «современные представления о языке как объекте языкознания покоятся на четырех «китах», на четырех фундаментальных его свойствах – исторически обусловленном характере развития, психической природе, системно структурных основах его устройства, социально обусловленном характере возникновения и употребления» [8,14]. Именно языковую личность, ее структуру, становление и функционирование Караулов Ю.Н. называет единым организующим началом, единым стержнем.

В обращении к языковой личности нас интересует вопрос включения человеческого фактора в лингвистическую парадигму, то, что традиционные проблемы языкознания, вопросы изучения языкового

место занимают работы В.Радлова (1), В.Бартольда (2), С.Е.Малова (3), А.Н.Самойловича (4), В.А.Гордлевского (5), Н.К.Дмитриева (6) и других ученых, заложивших основы советской тюркологии. Отметим также работы таких ономастов, как Э.Бегматов в узбекской антропонимии (7), Г.Ф.Саттаров – в татарской (8), З.Г.Ураксин – в башкирской антропонимике. Проблемами ономастики занимались такие ученые, как С.Б.Веселовский, Н.А.Баскаков, В.А.Никонов, А.В.Суперанская, А.В.Суслова, В.Д.Бондалетов, Л.В.Успенский, В.У.Махпиров и др. Основательную разработку получили вопросы казахской антропонимии в трудах С.Кенесбаева (8), К.Жубанова (9) и других ученых.

Особое место в развитии казахской антропонимии занимают работы Т.Джанузакова, который не только исследовал казахскую антропонимию в научно-теоретическом аспекте, но и приложил немало усилий в деле популяризации достижений ономастики Казахстана. В трудах вышеперечисленных исследователей по онимам доминирует, как отмечает А.В.Суперанская, лингвистический компонент и не только потому, что любой оним – это прежде всего слово, но и потому, что информация о каждом имени добывается с помощью лингвистических средств. Постоянно подчеркивается, что исследование онимов невозможно без изучения общего историко-культурного контекста. См. высказывание А.В.Суперанской: «Историко – культурный аспект ономастических исследований предусматривает изучение того национально – культурного фона, на котором возникают имена и развиваются их системы».

В связи с этим многие исследователи особо выделяют такое свойство антропонимов, как информативность. Имя может нести значительную информацию о человеческих качествах, о связи лица с отцом, родом, о национальности, происхождении, роде занятий, о времени рождения, о социально-демографическом положении родителей, о местности и т.и. Е.А.Керимбаев отмечает, что этимологический анализ антропонимов позволяет извлечь информацию о расселении и этническом составе народов, данные о материальной и духовной культуре, отражать религиозные верования, обычаи и обряды. (12, с. 8)

Все вышесказанное свидетельствует об особом типе взаимодействия языка и культуры, когда культура (материальная, духовная) находит отражение в антропонимах, т.е. налицо направленное воздействие культуры на язык. Отмеченное выше однонаправленное воздействие культуры на язык имеет силу для всех без исключения антропонимов, так же, как и положение о том, что любой антропоним, в силу такого его различительного признака, как информативность, может служить источником получения культурной, исторической, социальной, национальной информации, т.е. здесь мы наблюдаем обратное воздействие.

Гурская Ю.А пишет: ...заслуживает внимания существующая с давних пор гипотеза, согласно которой личные имена представляют собой предельные

текстовые сообщения, обладающие воздействующей силой, и способные к предикации качеств.(13)

В настоящее время в лингвокультурологии утвердилось понимание, что культуру можно интерпретировать через ключевые слова, репрезентирующие культурно-значимые концепты. Изучение культуры через семантический анализ ключевых слов широко используется в современной лингвокультурологии. Так, А.Вежицкая отмечает, что ключевые слова культуры могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры.(14)

В роли ключевых слов могут выступать антропонимы, но только в том случае, если носители имен оставили определенный след в истории, являлись выразителями определенной идеи, оказавшей влияние на развитие целого народа. Имена таких личностей становятся символом нации, государства, олицетворением лучших начал конкретного народа, мощным консолидирующим фактором в периоды этнокультурного развития, стимулом для преодоления кризисных моментов в истории этноса.

«Анализ ключевых имен культуры как особых типов языковых знаков позволяет ... реконструировать определенный фрагмент национальной картины мира, ... помогает понять, что явилось важным с той или иной точки зрения для носителей данного общества при символическом отборе, уходящем корнями, по-видимому, в глубины коллективного бессознательного» – подчеркивает Ю.А.Гурская (с.31).

К числу ключевых имен казахской культуры, несомненно, относится Абай, с чьим именем связано несколько базовых для национального самосознания казахского народа идей. Главная идея, красной нитью проходящая через все творчество великого поэта и нашедшая свое концентрированное выражение в его «Сегіз аяқ», где Абай, перечисляя и описывая отрицательные явления, наблюдающиеся в народном быте того времени (лень, зависть, пустословие, угодничанье, ложь, предательство, бахвальство, невежество и др.), и призывая к трудолюбию, честности, к знаниям, к упорству, изложена в следующих строках, которые являются актуальными во все времена:

«Бірінді, қазақ, бірін дос

Көрмесең, істің бәрі бос.»(15)

Иными словами, мы не станем единым народом, единым организмом, до тех пор, пока каждый из нас не станет относиться к другому как к другу, не будет сочувствовать, сопереживать, помогать, не будет чувствовать себя частицей большого целого. Только так формируется единство народа, которое является залогом большого будущего.

Вторая идея, ассоциирующаяся с образом Абая, это идея осознанного отношения человека к самому себе, к своей жизни, к окружающим, идея выстраивания в его сознании ценностных приоритетов, формирования в человеке понимания истинности и ложности, вечного и преходящего, что очень четко выражается в его следующих строках:

«Бес нәрсеге асық бол,
 Бес нәрседен кашық бол,
 Адам болам десеңіз.
 Тілеуің, өмірің алдында,
 Оған қайғы жесеңіз.
 Өсек, өтірік, мақтаншақ,
 Еріншек, бекер мал шашпақ –
 Бес дұшпаның, білсеңіз.
 Талап, еңбек, терең ой,
 Қанағат, рақым – ойлап қой,
 Бес асыл іс, көнсеңіз». []

То есть, если человек ищет смысл жизни, хочет достичь чего-то в жизни, он должен знать, что его врагами являются: злословие, ложь, бахвальство, лень и расточительство, а главными ценностями человека являются требовательное отношение к самому себе, трудолюбие, ум, умение быть благородным, готовность к оказанию помощи нуждающемуся в ней. Ум не дается человеку как раз и навсегда данная реальность, его нужно развивать через знания, науку, поэтому стремление к знаниям, к науке является лейтмотивом многих произведений Абая. Примечательно, что каждое из перечисленных в стихотворении Абая понятий является отдельным концептом и получает свою репрезентацию в циклах его произведений.

Абай стал символом казахской культуры, казахского народа, вся его поэзия превратилась в крылатые слова, а отдельные строки функционируют как прецедентные тексты, зачастую выполняя функцию аргумента в коммуникативной тактике опоры на авторитет, при этом наблюдается явление насыщения антропонима «Абай» новыми коннотациями в зависимости от контекста употребления.

Г.М.Алимжановой был проведен в 2008-2009 г.г. масштабный эксперимент с целью выявления ассоциативного ореола концепта *Казахстан*. Количество реципиентов – 2600. Возраст участников свободного ассоциативного эксперимента – от 30 лет и выше. Исследователь при выборе данной возрастной группы реципиентов исходил из того, что данная группа людей – это уже полностью сформировавшиеся личности, занимающиеся активной трудовой деятельностью, поступающие осознанно в различных жизненных ситуациях, имеющие высшее образование, характеризующиеся сформированной языковой картиной мира.(16)

Участники эксперимента представлены двумя большими группами: граждане Казахстана (казахи, русские) – 1600 чел. и иностранцы (англичане, китайцы, французы, турки, корейцы, японцы, немцы) – 1000 чел., в эксперименте участвовали представители разных социальных категорий. Задание – респондент должен ответить, не задумываясь, на слово-стимул *Казахстан* первым пришедшим в голову словом или словосочетанием.

Результаты свободного ассоциативного эксперимента показали, что на первом месте по частотности находится реакция «Абай», при этом интересно, что у респондентов – казахов, говорящих на русском языке, и респондентов русской национальности

реакция *Абай* стоит на первом месте, тогда как у респондентов казахской национальности, говорящих на казахском языке, реакция *Абай* находится по частности на четвертом месте, а на первом месте находится реакция *Шәкәрім Құдайбердіұлы*. У иностранцев реакция *Абай* находится на 2,3 местах.

Интервьюирование представителей указанных групп респондентов свидетельствует о различии в восприятии имени *Абай*: для респондентов русской национальности и казахов, говорящих на русском языке, Абай является символом республики, для иностранцев, которые начинают свое знакомство с Казахстаном в Алматы, где главной улице, оперному театру, педагогическому университету дано имя Абая, на пересечении проспектов Абая и Достык находится величественный памятник Абаю, а в каждой беседе, в каждом выступлении обязательно используются крылатые слова, восходящие к Абаю, антропоним *Абай* навеян культурной и языковой средой. У указанных трех групп респондентов с именем Абая ассоциируются понятия о чем-то главном, важном, значимом для казахов, у них *Абай* ассоциируется как с поэтом.

Более глубокие ассоциации с антропонимом *Абай* связаны у казахов, говорящих на казахском языке, поскольку они хорошо знают творчество Абая, знают не понаслышке о его взглядах на жизнь, на человека, кроме того о личности Абая они судят и по роману-эпопее «Абай жолы» М.Ауезова. То, что на первом месте у данной группы респондентов стоят ассоциации *Шәкәрім Құдайбердіұлы, Отан, Ілияс Есенберлин* связаны, во-первых, с прошедшим относительно недавно юбилеем Шакарима Құдайбердіева, в ходе празднования которого многие казахстанцы открыли для себя новые грани этой личности, во-вторых, с наблюдаемым в настоящее время ростом национального самосознания и патриотизма, что вызвало ассоциацию *Отан*, в-третьих, с большой популярностью исторических произведений И.Есенберлина среди патриотически настроенных слоев казахского общества.

Итак, результаты проведенного свободного ассоциативного эксперимента показали, что антропоним *Абай* является символом национальной культуры, ключевым знаком культуры казахского народа, это имя присутствует в когнитивной структуре представителей как казахской культуры, так и культуры представителей русской культуры жителей Казахстана. Как символ Казахстана, антропоним *Абай* знаком представителям иных культур. При этом ассоциативные связи данного антропонима в контексте разных культур обрастают новыми коннотациями.

1. Радлов В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб, М.: Наука, т. III, 1989. -283 с.

2. Бартольд В.В. Работы по истории Средней Азии. Сочинения, т.2, ч 1,II.: Изд. Восточной литературы, 1983. -646 с.

3. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Приложения. М.: Наука, 1951. -364 с.